

Преступление в поместье

Автор:

Флёр Хичкок

Преступление в поместье

Флёр Хичкок

Расследование ведут новички! #4

Когда Вив поссорилась с Ноа, она и подумать не могла, что видит его этим утром в последний раз! Ведь мама Вив – няня Ноа, и видятся ребята ежедневно по несколько раз. Но вернувшись домой из школы, Вив узнала, что Ноа похитили! И полиция подозревает, что в этом замешана мама Вив! Девочка же уверена, что Ноа сбежал сам, чтобы насолить родителям, особенно отцу, виконту Белкому. Что ж, значит, надо браться за дело и искать Ноа самой. А за окном уже несколько дней льёт дождь, того и гляди разольётся река. Но Вив так просто не сбить с пути. Однако девочка и не подозревает, что за пропажей Ноа стоят настоящие опасные преступники, готовые пойти на всё, даже на самый страшный шаг...

Флёр Хичкок

Преступление в поместье

Fleur Hitchcock

Murder at Twilight

Text Copyright © Fleur Hitchcock, 2017

This translation of Murder in Midwinter is published by arrangement with Nosy Crow ® Limited

© Ирма Краевская, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Посвящается детям из Эбботс-Уорти

Пролог

Начну с начала, потому что так положено.

Получается, началось всё, когда мне было два года и я упала в реку, а он упал следом, потому что думал, что я ему машу, а не тону. Так мы и познакомились.

Ну, вроде того.

Нет, начну с другого начала.

Перед тем, как всё завертелось.

Точно, с него и начну.

Глава 1

Мы с мамой, как обычно, ссорились насчёт того, как поменять нашу жизнь. Я хочу поменять вообще всё, а она ничего менять не хочет.

– Да господи боже мой, Вив! – Мама швырнула чайный пакетик в раковину. – Какой смысл тебе ехать на автобусе? Я же в любом случае проезжаю мимо твоей школы, когда отвожу Ноа! – Она шваркнула кружкой по столу: – Всё, хватит. Ты готова или нет?

– Почему бы Ноа тоже не поехать на автобусе?

Мама не ответила.

– Потому что он слишком хорош для автобуса, да?

– Прекрати, Вив. И так всё сложно, а ты ещё усложняешь, – мама покачала головой.

Тай, наш пёс, тьякнул и запрыгал у стола – решил, что мы играем.

Я так разозлилась, что даже гладить его не стала. Натянула колготки и засунула ноги в раздолбанные школьные туфли, не развязывая шнурков. Вот так всегда и бывает. Вечно мы их ублажаем, этих Белкумов. Так и будем всё время под них подстраиваться. Потому что мама была у Ноа няней, вытирала ему попу, читала ему сказки перед сном, лечила синяки и порезы и до сих пор возит его в школу, покупает одежду, заставляет заниматься игрой на скрипке. Ноа – это мамина работа. А я... ну а что я?

Я закинула сумку на плечо.

Ещё он – большая ценность, потому что последний в роду, других нет. Ноа Натаниэль Симеон Белкум, единственный ребёнок, также известный как виконт Алчестер, первый в очереди на семейный престол. Исчезающий вид.

Я же просто Вивьен Лин.

Я рывком открыла входную дверь – так, что она грохнула по стене, – и рванула вниз по ступенькам во двор, под кружащиеся в воздухе листья.

– Но ты даже не попробовала тост! – крикнула мама мне вслед.

Тай, наклонив голову, с надеждой смотрел на мой завтрак в руках у мамы.

Я не ответила.

- Вив, к ужину ты сильно проголодаешься!

Я снова не ответила.

Мама вздохнула у меня за спиной.

- Пока, Тай, - сказала она, закрыла дверь в нашу квартирку над бывшей конюшней и обогнала меня, подойдя к блестящей зелёной «мини», припаркованной на гравийной дорожке перед главным домом.

Мигнули огоньки, третья машина Белкумов самодовольно пискнула - это мама отперла замки.

- Садись, пожалуйста, в машину, Вив, - тихо сказала она.

Я прислонилась к передней дверце, и мама медленно подняла на меня взгляд.

- Вив, пожалуйста, садись на заднее сиденье. И побыстрее.

Я не двинулась с места. Так и стояла у передней дверцы, немного дрожа от непослушания, пока мама не зашла в дом и не вышла оттуда вместе с Ноа - форма Сент-Дэвидской школы наглажена, новые туфли блестят, светлые кудри взбиты в золотистую пену.

- Доброе утро, Ноа, - сказала мама, натянуто улыбаясь.

- Доброе утро, Мэрион, - ответил он, обогнул машину спереди, отпихнул меня, распахнул дверцу, зашвырнул сумку внутрь, следом втиснулся сам и начал возиться со стереосистемой.

- Может быть, вы вместе сядете на заднее сиденье? - сказала мама, стоя у водительской дверцы.

– Что? – Ноа затряс своими дурацкими кудряшками. – Но я же всегда езжу спереди!

– Сейчас да, – очень спокойно ответила мама, – но, если помнишь, так было не всегда – всего лишь месяц назад ты...

Она замолчала.

– Ты выбросил мою сумку из окна прямо на дорогу, – закончила я, скрестив руки на груди. – Причём не подобрал её и не извинился.

– Вив! – прикрикнула мама. – Значит, так. Я подумала, что можно вернуться к прежнему обычаю: вы мирно едете рядом на заднем сиденье. – Она поколебалась. – Так будет справедливей.

На секунду мне захотелось завопить от радости: мама отстаивает мои права перед его мелкой светлостью, подняв знамя мятежа против тирании всевластного семейства. А потом меня потянуло забраться в багажник. Ну и что, что он весь в собачьей шерсти – главное, рядом с Ноа не сидеть.

Не хочу сидеть рядом с тем, кто меня задирает. Если бы он прямо сейчас провалился сквозь землю – я бы и слезинки не пролила. Наоборот, засмеялась бы.

– Нет, – ответил Ноа, пристёгиваясь. – Не хочу.

У мамы отвисла челюсть.

– Ноа Белкум, будь любезен сесть на заднее сиденье, а Вив сядет рядом с тобой. Пожалуйста.

Он достал айфон и начал листать фотки.

– Не переживай, мам, он просто свинья, да ещё и жертва инцеста, – сказала я, отодвигая водительское сиденье. – Я с ним рядом не сяду, даже если ты мне заплатишь.

Не успела я забраться назад, как он с криком: «Возьми свои слова назад, ты, мелкая...» – попытался вцепиться мне в волосы.

У меня реакция всегда была лучше, чем у него. Я выставила руку, чтобы ему помешать, и тыльная сторона моей ладони ударила его по носу.

Он взвыл, фонтаном брызнула кровь.

– О боже! Вив, Ноа, прекратите! – мама потянулась за салфетками.

Но я не хотела прекращать: я ещё раз ударила его по носу, и брызги крови попали ему на штаны.

Мама запрыгнула на переднее сиденье и захлопнула дверцу – наверняка не хотела, чтобы родители Ноа увидели, что творится в машине. Хотя за последние десять лет мы пару раз знатно дрались – всё скрыть не получится.

– Охо-хо, – мама достала из бардачка бумажные полотенца и стала вытирать Ноа кровь. – Вив, ну что ты за дурочка?

– Я не виновата, – ответила я, устраиваясь сзади.

Я испытывала смешанные чувства: то, что мама вытирала ему лицо, было неприятно, но то, что я доставила ему столько неудобств, вызывало глубочайшее удовлетворение.

– Да ты психическая! – выпалил Ноа, зажимая переносицу, чтобы остановить кровь.

Мама встревоженно осмотрелась. В машине царил разгром: всюду валялись окровавленные салфетки, белая рубашка Ноа осталась белой, но на пиджаке и сумке проступили тёмные пятна.

– Не так уж всё плохо, – сказала она, заводя мотор. – Кровь скоро остановится.

– Неплохо?! Да я тебя в полицию сдам! – Ноа ткнул пальцем в мою сторону.

– Ага, – ответила я. – С каких пор нельзя назвать жертвой инцеста того, кто родился в одной из самых пострадавших от инцеста семей в мире? Я просто рассуждаю по-научному. У вашей семейки генофонд...

– Замолчи, Вив! – рявкнула мама. – И извинись.

– Я ничего такого не сделала, – возразила я, скрестив руки на груди и глядя в окно. – Он первый начал.

– Тихо, вы оба! – крикнула мама.

Тем временем мы выехали на аллею.

Пока мы ехали через парк по длинной-длинной аллее, никто не произнёс ни слова. Коннор Эванс, лесник, жёг костёр на краю газона. Он помахал нам, но никто не махнул ему в ответ. То есть я бы, может, и помахала, но я слишком сильно злилась. Мама притормозила перед автоматическими воротами, они открылись, и мы выехали из поместья Блэкуотер на узкую дорогу. Деревня промелькнула за окнами – и вот мы уже в пригороде Алчестера. Мама сосредоточилась на дороге, мы все молчали, и в тишине раздавалось только тиканье приборной панели. Ноа отправил мне эсэмэс: «Я тебе ещё задам». «Ага, мечтай, уродец», – ответила я.

Справа потянулся сетчатый забор Хершельской средней школы.

Мы подъехали к зданию школы, мама припарковалась, вышла из машины и подвинула сиденье вперёд. Я выбралась наружу, не сказав Ноа ни слова.

– Пока, мам, – я повернулась и пошла в школу.

У меня горели уши, лицо, и вообще всё горело.

Всё ещё в бешенстве, у автобусной остановки я наткнулась на Надин, Сабрию и Джо. Бросив взгляд на моё лицо, Надин спросила:

- Ноа?

- Да он просто... - я не могла подобрать слово.

- Амёба, - сказал Джо.

- Слизняк, - сказала Сабрия.

- Сосиска с подливкой из школьной столовой, - сказала Надин.

- Котлета с пюре из столовой, взбитая в блендере, - сказал Джо, и они засмеялись. А я нет - кажется, у меня пропало чувство юмора.

- Да, - сказала я. - Он такой, как всё это вместе взятое.

Мы вошли в школьные ворота вместе с плотным потоком других учеников. Прозвенел звонок - до уроков оставалось две минуты.

- Эй, Вив, у тебя на руке кетчуп или что-то вроде того, - сказал Джо, когда мы зашли в школьный коридор.

- Ой, фу! - я вытерла руку о сумку. - Это кровь Ноа. Я ему вообще-то врезала.

Сабрия подняла брови:

- Правда?

- Ага, - кивнула я и покраснела. - Кровь у него текла, как у... у...

- ...свиньи? - предположил Джо.

Тут снова прозвенел звонок, и Джо подтолкнул меня к кабинету моего куратора, мисс Паркер.

* * *

– Вивьен Лин! – объявила мисс Паркер.

– Здесь, – ответила я.

Она отметила моё присутствие в журнале, а я посмотрела на своё расписание. Сначала сдвоенная математика. Окей, без проблем. Математика давалась мне неплохо, а раз уж я хотела стать архитектором, мне нужны хорошие оценки. Если я смогу выкинуть Ноа из головы и опять дышать ровно, всё будет хорошо.

Я украдкой посмотрела на сумку. Там осталось тёмное пятно от его крови. Жаль, что я его раньше не заметила – отмыла бы до того, как пойти к куратору.

Как там это называют – «осознанность»? Я посмотрела в окно. Осеннее солнце заливало кабинет, слепило глаза. Я постаралась сосредоточиться на пылинках, танцующих в солнечных лучах. Попыталась следить за дыханием, но на ум мне пришли светлые кудри Ноа, сверкающие на солнце. Когда мы были маленькие, взрослые вечно восторженно ахали: «Какая прелесть!» А потом искоса смотрели на меня и прибавляли: «А она наверняка умненькая».

Ну да, я умная. И всегда была умнее его, без всяких его привилегий. Начать хотя бы с того, что я учусь в этой отстойной Хершельской школе, а не в престижной Сент-Дэвидской. Я просто Вивьен Лин, а он виконт Алчестер, будущий хозяин огромного поместья. С ним все обращаются как с лордом, как будто у нас всё ещё феодализм. Наш город словно заколдованный: деться отсюда некуда, работу поменять нельзя, потому что все дома на много миль вокруг принадлежат Белкумам, а других домов вообще нет. Всё, что заработаешь, уходит обратно тем, кто тебе платит зарплату. И все жалуются, я слышала – особенно те, у которых много детей: дома им нужны большие, а значит, выше арендная плата и от зарплаты остаётся совсем мало. Вот поэтому я и хочу стать архитектором и строить доступные дома для таких, как я. Хочу построить свой собственный современный дом на своём собственном участке. И вообще хочу быть своей собственной.

Осознанность моя улетучилась прямо в окно, и я снова посмотрела на пятно крови на сумке. Интересно, нос у Ноа всё ещё болит? Я почувствовала слабые

угрызения совести. Очень слабые. У него часто идёт кровь носом. Всегда так было. Но обычно от высоты, а не от удара кулаком. Я посмотрела, не осталось ли пятен у меня на руке – ведь машина-то вся была залита кровью. Классное было зрелище, что и говорить.

Прозвенел звонок, и мы толпой вышли в коридор, расходясь по классам. Чтобы попасть на математику, мне надо было пройти мимо туалетов, так что я быстро нырнула в женский, отёрла пятна под струёй холодной воды и тщательно вымыла руки розовым жидким мылом. Заняло это больше времени, чем я рассчитывала, так что в класс я вошла последней, когда все уже расселись по местам.

– Рад, что ты почтила нас своим присутствием, Вивьен, – сказал мистер Марлоу, раскачиваясь на стуле.

Руки он закинул за голову, так что было видно, что у него под мышками рубашка промокла от пота. Я постаралась не смотреть и не принюхиваться, но, когда запах всё-таки добрался до меня, не удержалась и рассмеялась. Математика и так-то не простое дело, а тут...

– Можно открыть окно, сэр? – спросила я.

– Вивьен, сядь, пожалуйста, на место, – ответил он, наклоняясь вперёд. Ножки стула стукнулись об пол.

– Но сэр, – сказал мой сосед по парте Сонни, – здесь правда жарко.

– Да, сэр, – сказала Джульет, – мне дышать нечем.

– Да, сэр, здесь просто парилка, – сказал кто-то ещё.

– Духотища! – раздался ещё голос.

– Можно мы хотя бы пиджаки снимем?

– Вивьен, сядь, пожалуйста. Класс, тише, – сказал мистер Марлоу, опустив руки. Так его подмышки уже не оскорбляли взор – только обоняние.

– Но сэр, – сказала я, – пожалуйста, разрешите открыть окна, а то мы не сможем сосредоточиться.

Мистер Марлоу встал и указал на часы.

– Я потратил семь минут своей жизни, ожидая, пока вы подготовитесь к уроку. Семь минут. Эти семь минут мне никто не вернёт.

Он присел на край стола и забарабанил по нему пальцами.

– А я потратила семь минут своей жизни, обоняя ваши вонючие подмышки, – прошептала я чуть громче, чем следовало, и в наступившей тишине меня услышали.

* * *

В общем-то, я была не против остаться после уроков – так мне не придётся ехать домой в одной машине с Ноа. Я послала маме эсэмэску – предупредила, что задержусь, а она отправила в ответ смайлик-автобус.

Ну и ладно.

Сегодня мы собирали мусор вместе с сеньорой Дельгадо. Вообще-то она милая. Когда я ей рассказала, за что меня оставили после уроков, она рассмеялась:

– Ты просто несносна, Вивьен! Бедный мистер Марлоу!

На уборке мусора мы задержались, и я опоздала на последний школьный автобус.

Значит, придётся идти пешком в центр города, а оттуда ехать домой на обычном автобусе.

Солнечный свет, сиявший весь день, внезапно померк, стало холодно, как зимой. Я пожалела, что не съела приготовленный мамой тост, не захватила тёплую

шапку и не поехала домой на машине в обычное время.

По дороге в сторону Сент-Дэвидской школы промчалась полицейская машина.

Дрожа от холода, я сдвинула лацканы пиджака на груди и втянула шею в плечи. Ветра почти не было, но мне казалось, что он дул вовсю. Холод забирался под воротник и в рукава. Температура явно резко упала, и колготки уже не спасали – ноги превратились в ледышки.

Пока я добралась до автобусной остановки, успела окоченеть.

Я достала телефон и написала маме, что поеду на следующем автобусе, но она не ответила.

Тогда я послала Надин фотку со своими замёрзшими ногами.

Она послала мне в ответ фотку своих ног в тапочках и лежащих на одеяле.

А я ей – фотку страшной тётки в розовом, которая тоже сидела на остановке.

А она мне – свою кошку.

А я ей – селфи, как я сижу, прислонившись головой к доске объявлений.

А она мне – тост с сыром.

Тут пришёл автобус, и мне пришлось ждать, пока толпа пассажиров с проездными не рассядется на удобные места.

Я села на заднее сиденье. Автобус запетлял по окраинам города. Я постепенно согревалась. Вот огни домов растворились вдаль, и за окном потянулась ледяная пустошь.

Мы остановились в деревеньке Истон-Аббас. Старушка с тележкой медленно подошла к передней двери, вышла и через пару шагов исчезла в сумерках. Автобус тронулся и запрыгал по выбоинам извилистой дороги. Меня так швыряло

туда-сюда на сиденье, что в конце концов укачало. Наконец мы добрались до Блэкуотер-Аббас. Я нажала на звонок и неуверенно пошла по проходу к двери. Больше никто на этой остановке не вышел. К своему удивлению, я заметила в свете автобусных фар отблеск светоотражающей полосы на полицейской машине. Обычно здесь никогда не бывает полиции, потому что никогда ничего не случается.

Я дождалась, пока автобус отправится в сторону Нижнего Марстона. Рёв двигателя стих, габаритные огни растворились вдали. Я подняла воротник и побежала вдоль домов, а потом прямо по лужайке к воротам Блэкуотер-хаус. Фонари не горели, но я знала дорогу наизусть и прошла бы по ней даже в полной темноте. Ещё не стемнело – на западе над горизонтом пылал закат. Добежав до ворот, я набрала код, они заскрипели и открылись.

Заухала сова.

Я достала телефон и написала маме: «Заберёшь меня? Я у ворот!» Подсветка экрана слепила глаза.

Ответа не было. Я позвонила – и снова неудача: сразу включился автоответчик. Странно. Мама никогда не выключала телефон – из-за Ноа. Ему всё ещё нужно было, чтоб его держали за ручку, как пятилетку.

Наверно, она помогает ему с домашкой. Или повезла его пиджак в химчистку.

Я засунула телефон обратно во внутренний карман и на секунду остановилась, прислушиваясь: кругом раздавались потрескивание и хруст. Сначала я никак не могла понять, что это, но потом до меня дошло, что это – наверно, всё вокруг покрывается корочкой льда. Пиджак меня больше не согревал, как бы плотно я его ни запахивала. Карманы у него были фальшивые, так что я засунула ладони в рукава и прижала к груди. Получилась ледяная смирительная рубашка.

Справа виднелся костёр Коннора, и я встала прямо на пепел в надежде, что тлеющие угольки хоть немного меня согреют.

Не тут-то было.

Как же я жалела, что меня оставили после уроков. Могла бы, как обычно, поехать с мамой и Ноа на «мини», а теперь придётся всю аллею пройти пешком. Хотя – бросила я взгляд налево – можно срезать путь через буковую рощицу. Я отошла от костра и протиснулась сквозь живую изгородь, потом перелезла через бордюр из дёрна. Где-то тут должна быть тропинка.

Земля хрустела у меня под ногами. Я подняла взгляд: небо было ясным, уже мерцала первая звезда. Ночью будет очень-очень холодно.

Ветви кустов сомкнулись за спиной. Я попыталась сориентироваться по силуэтам деревьев на зеленовато-закатном фоне неба. Справа их было меньше, значит, тропинка к дому была там. Ветки хлестали по лицу и цеплялись за одежду. Я была практически уверена, что иду правильно, но я давно здесь не ходила – того и гляди, уткнусь в заросли ежевики. Последний раз я была здесь с Ноа – в один из «хороших» дней, когда мы ладили друг с другом. Я убедила его, что тут, в лесу за подъездной аллеей, водится привидение. Однажды ночью мы просидели тут в ожидании призрака несколько часов, а потом нас спугнул барсук, и мы с визгом бросились домой.

На подходе к дому я увидела голубые вспышки. Полиция? Здесь?

Перед домом были припаркованы целых три полицейские машины. Вокруг «мини» были расставлены мощные прожекторы, внутри и под ней копошились люди в белых комбинезонах. Рядом был установлен белый пластиковый тент. Свет был яркий, как на съёмочной площадке.

– В чём дело? – произнесла я в пространство.

Случилось что-то серьёзное.

Глава 3

Меня, кажется, никто не заметил. Я остановилась на краю двора, пытаюсь решить, идти ли мне к себе в квартиру, заговорить с полицейскими или попробовать зайти в главный дом.

В итоге я выбрала квартиру. Дверь была не заперта, всё было на своих местах, но мамы не было. Тай подбежал ко мне, подпрыгивая и виляя хвостом. Потом, твякая, он засеменил к задней двери. Я выпустила его на двор конюшни пописать.

– Что случилось, Тай? – спросила я, положив руки на батарею. – Почему здесь полиция?

Он протиснулся обратно в приоткрытую дверь, плюхнулся на спину и подставил мне живот – почесать.

– Где мама?

Он снова вскочил, подбежал к своей миске и стал, поскуливая, тыкать в неё носом, наконец подпихнул её в мою сторону и с надеждой посмотрел на меня.

– Тебя не кормили? – В холодильнике я нашла наполовину пустую банку собачьих консервов. Похоже, это была та самая банка, которую мама открыла утром. – Точно, тебя не кормили. Да ты, наверно, с голоду помираешь. – Я отогнула крышку и выложила в миску противные студенистые комочки. – Вот, держи.

Тай с чавканьем накинулся на еду, и она исчезла в мгновение ока. Я почесала его за ушами:

– И что ты сделал с мамой, а?

Тай стал вылизывать миску. Я подошла к окошку у входной двери и выглянула во двор, раздвинув планки жалюзи. Никто меня не замечал. Я пыталась понять, что вообще происходит. Люди в белом паковали разные предметы в пакеты. Один из них ползал на четвереньках по подъездной дорожке, практически уткнувшись носом в землю.

Было бы смешно – но я слишком беспокоилась.

Тут открылась входная дверь в главный дом. На пороге в прямоугольнике оранжевого света показалась Шэрон, девушка Криса, который отвечал за речное хозяйство. Выражения её лица я не разобрала, потому что она уставилась в

телефон, и её длинные светлые волосы заслонили лицо, как занавески. За ней вышли Дейв Макэндрю с лесопилки и лесник Коннор. Оба они выглядели встревоженными. Следом за ними появились лорд Белкум и сам Крис. Все они забрались в лендровер и уехали.

Затем на верхней площадке лестницы появилась мама Ноа, леди Белкум. Она какое-то время понаблюдала за людьми в белом, проверила телефон и снова зашла в дом, не прикрыв плотно дверь.

– Что мне делать, Тай? – спросила я, отходя от окна.

В ответ Тай лёг, сложил лапы и опустил голову мне на ногу.

– Я не могу просто сидеть и ждать, я должна что-то предпринять.

Обычно я не хожу в главный дом, но мне очень хотелось узнать, что происходит. Если кто-нибудь спросит, скажу, что ищу маму, и это даже будет правдой.

Чуть дрожа от страха, я сбежала по лестнице, пересекла двор и поднялась по широким мраморным ступеням к главному дому. Лорд Б. уехал, я видела; но с леди Б. тоже будет непросто. Мама с ней ладила, но на меня она нагоняла страх – так она привыкла, что все слушаются её приказов. Прежде чем выйти замуж за Белкума, она была главным редактором какой-то газеты. Здесь она была чужой и практически не выходила из дома – только в солнечную погоду. Она была слишком городской для этих мест, и, наверно, сама это понимала. Должно быть, поэтому была такой колючей – ей было некомфортно с сельскими жителями.

Или я просто себя обманывала?

Я приоткрыла тяжёлую дубовую дверь и огляделась. Она вела прямо в холл с камином. Холл был огромный, как ангар, больше, чем обычный дом. Там стояли кресла и стол, по стенам, облицованным полированным деревом, висели портреты белкумовских предков, а в углах сгустился полумрак.

Леди Белкум, заплаканная, стояла у камина. Увидев меня, она бросилась ко мне и схватила за руку.

– Вивьен, дорогая, как я рада, что ты вернулась. Ты не знаешь, что с моим мальчиком? Ты его не видела? Он не вернулся домой! Когда Марион за ним приехала, его не было, и... – Она покачала головой, словно не хотела всё мне рассказывать. – Я так за него волнуюсь!

– Что? – переспросила я. – Мама поехала забрать его из школы, а его там не было?

Чувства переполняли меня с головой, но я старалась говорить сдержанно.

– Он исчез, – леди Б. шмыгнула носом. – Он с тобой не связывался?

– Нет, – я достала телефон. – Нет, он мне ничего не писал.

Я посмотрела на экран. Последнее сообщение от Ноа (перед утренним «Я тебе ещё задам») было отправлено целых полгода назад: «Обтекай, неудачница». Вот такое милое послание. Наверно, это означало конец нашей дружбы, и без того не такой уж крепкой.

– Исчез – то есть пропал? – спросила я.

Леди Б. меня не слушала.

Из гостиной вышла женщина-полицейский и, взяв леди под руку, спросила:

– Сделать вам ещё чаю?

– Больше не нужно, глупая вы женщина, – отрезала леди Б., а затем, словно спохватившись, что говорит с представителем полиции, добавила: – Нет, нет, большое спасибо.

Зашмыгав носом, она опустилась на монументальный кожаный диван и принялась сморкаться, вся дрожа.

– Вивьен, сядь и помоги этой женщине найти моего сына, – она указала на другой диван, на обивку которого явно ушла не одна коровья шкура.

Важно ступая, в холле появился Тигра, кот Белкумов. Проигнорировав всех остальных, он подошёл ко мне, потёрся о моё колено, затем сел и начал вылизываться. Я села на диван, выполнив указание леди, погрузила пальцы в плотный мех на кошачьем загривке и постаралась успокоиться. Не очень-то это было легко – всё казалось нереальным.

– Вивьен? А, Вивьен Лин, – полицейский, нисколько не смутившись словами леди Б., сверилась со своим блокнотом. – Ты ведь живёшь здесь? Нам нужно с тобой поговорить.

– Что случилось с Ноа? – спросила я. – Где моя мама?

Тигра запрыгнул мне на колени, улёгся и замурчал.

– Твоя мама? Ах да, она показывает моим коллегам, каким путём она сегодня ехала в Сент-Дэвид. Что касается Ноа, то на этом этапе мы проверяем все версии, – полицейская лучезарно улыбнулась. – Побеседуешь со мной? Просто неофициальный разговор. Мы пытаемся выяснить, чем Ноа увлекался, что его интересовало.

Конечно, я отвечу на её вопросы – у меня и выбора-то нет.

Женщина-полицейский оперлась на подлокотник дивана. Наверно, она хотела выглядеть по-свойски, но в здешней тщательно подобранной обстановке смотрелась нелепо. Всё здесь было старинным: и деревянные панели, и камин, и длинный дубовый стол, и выдавшие виды кожаные диваны, и фамильный ковёр, как бы небрежно прикрывавший гладкий антикварный паркет. Даже борзая, что лежала у камина, положив голову на лапы, словно явилась из Средневековья.

А полицейский словно бы вышла из «Икеи» – одежда современная, удобная, яркая. Она и мы с Тигрой были тут чужими. Я обняла кота.

– Итак, расскажи мне про Ноа, – она наклонилась вперёд, и ткань её жилета скрипнула. – Чем вы с Ноа обычно занимаетесь? Вы ровесники, как я понимаю.

– Вместе? – я пожала плечами. – Да ничем. Он ходит в другую школу, у него свои друзья – хотя не знаю, может, у него и нет друзей.

– Вот как? – полицейский подняла взгляд от блокнота. – Почему ты думаешь, что у него нет друзей, раз вы практически не общаетесь?

Я бросила взгляд в сторону окна. Кажется, там промелькнули огни – а может, мне показалось. Всё было так странно. Я задумалась, что же ответить. Откуда мне знать?

– Я просто никого здесь не видела. Мои друзья постоянно ко мне приходят, остаются с ночёвкой и всё такое. А он... – я сделала паузу, заметив, что леди Б. слегка развернулась в нашу сторону, – ничем таким не занимается.

Снаружи слышался разговор полицейских и шум мотора. Снова замелькали огни. Леди Б. встала с дивана и снова села, проверила телефон, потом ещё раз.

Полицейский писала в блокноте. В тишине всхлипывания леди Б. и потрескивание дров в камине казались оглушительно громкими. Тигра соскользнул у меня с колен и устроился в ногах.

– Почему мама вам помогает? Когда исчез Ноа?

– Всеми своё время, – женщина-полицейский непроницаемо улыбнулась. – Он занимается спортом? Регби, да?

– Понятия не имею, – ответила я. – Он не... В смысле, мы лазали по деревьям, катались на велосипедах...

– Он кого-нибудь упоминал, называл по имени?

– Про друзей я уже сказала... – я бросила взгляд в сторону леди Б., которая продолжала всхлипывать, при этом прислушивалась к нам.

– Я скорее об учителях. Он когда-нибудь упоминал хоть кого-то из учителей? – полицейский пристально на меня уставилась.

Я пожала плечами и потрясла головой.

– Нет. Нет, ни о ком не знаю.

– Возможно, это просто совпадение, – непонятно сказала она. – Есть у Ноа какое-нибудь особое место? Такое, где он мог бы спрятаться?

Она заговорщически наклонилась вперёд, но это не сработало – она всё равно была похожа на учительницу. Затем я вспомнила, что это же Ноа, я ему ничем не обязана. Я большим обязана этой женщине. Я попыталась сообразить, что он мог сделать, где спрятаться – и мог ли. В шесть лет – мог, но в двенадцать? Нынешнего Ноа я толком и не знала.

Я покачала головой, стараясь вспомнить, где мы болтались в детстве.

– Сарай на реке. Со всяким хозяйственным инвентарём? Его Дворцом называют. Мы пытались туда забраться, но старый мистер Мамфорд нас всегда гонял. Ещё здоровенное ореховое дерево на центральном лугу, мы там чуть друг друга не убили.

Я взглянула на леди Б. Она слушала, нахмутив лоб, словно пыталась представить себе все те места, о которых я говорила.

– Тис у пруда. Ноа его оборонял, а я пуляла в него еловыми шишками. Мы строили крепости по всему саду – даже в овраге у Долгого леса...

Женщина-полицейский посмотрела на меня.

– Вечная война?

Я кивнула.

– Точно.

Она откинулась на спинку дивана, поправила светоотражающий жилет.

– То есть он может быть где угодно?

– Типа того. Только сейчас холодно очень.

Тут входная дверь распахнулась. Я вздрогнула от неожиданности – и, думаю, не только я. Вошёл лорд Белкум, а за ним Коннор Эванс, Дейв Макэндрю, Павел (один из садовников) и двое полицейских. Они напустили в комнату холода. Выглядели они мрачно. Раньше они были просто встревожены, но теперь Дейв был белым, как простыня, даже под бородой было заметно. Он увидел заплаканную леди Б. – и отвернулся, как будто ему тяжело было смотреть ей в лицо.

– Мы обыскали буквально всё, – тихо сказал лорд Белкум жене, и она снова зарыдала. – Только что мы на всякий случай проверили фазаний питомник и коптильню, но без толку. Тони и Шона ищут в саду. Если он прячется, возможно, они его найдут.

Ах вот что это за огни в темноте – садовники с фонариками!

– Но почему он прячется? Бедный крошка! – и леди Б. опять разрыдалась.

Лорд Б., не снимая куртки, сел рядом с женой и взял её за руку.

– Всё будет хорошо, – сказал он, но по его печальному лицу и встревоженным глазам было понятно, что он сам себе не верит.

На секунду мне стало его жалко.

Коннор и Павел топтались у камина и беседовали с полицейскими. Оба они выглядели напряжёнными. Ну и дела. Ноа явно не просто засиделся где-то – они точно думают, что он убежал из дома.

– Так, а что было сегодня утром? Что ты помнишь? – женщина-полицейский занесла ручку над блокнотом.

Я глубоко вздохнула.

– Всё было как обычно – мама за рулём, я на заднем сиденье. Сначала мы доехали до моей школы, и я вышла. Вот и всё. Что с ним случилось?

– Что-нибудь ещё можешь добавить? – проигнорировала она мой вопрос.

Я задумалась, говорить ли ей о ссоре. Решила, что ничего страшного.

– Ну, Ноа обычно сидит на переднем сиденье – он... ну, в общем... – Я посмотрела на его мать, та возилась с коробкой носовых платков. – С тех пор как... Короче, мама предложила, чтобы мы вместе сидели на заднем сиденье, а Ноа отказался и в суматохе ушибся носом...

Всю правду рассказать я никак не могла.

– У него часто идёт кровь носом, так что всё залило кровью.

– Всё?

– Ну, мою сумку и его брюки. И машину.

– Если не возражаешь, мы возьмём твою сумку, – она продолжала царапать в блокноте. – Так как бы ты описала свои отношения с Ноа?

Её голос прозвучал неожиданно громко, и все обернулись к ней.

– Э... Бурные? – ответила я. – Нет, сдержанные.

Она писала долго – явно не только слово «бурные». Наверно, описывала ещё моё выражение лица и одежду.

– Можно взглянуть на твой телефон? Ты с ним сегодня связывалась?

– Вот, – ответила я. – Вот это он отправил, когда мы ещё были в машине.

Она прочла эсэмэс, и её глаза расширились.

– Позволь уточнить – вот это он написал тебе? – она указала на фразу «Я тебе ещё задам».

– Ага, – сказала я.

Мужчины у камина замолчали, и в комнате повисла неловкая тишина.

Тут женщина-полицейский заметила, что все нас слушают, достала из кармана пакет и засунула туда мой телефон.

- Мы его немного подержим у себя, на случай, если Ноа решит с тобой связаться, хорошо?

Глава 4

Пришла ещё одна женщина-полицейский и позвала на допрос лесника Коннора. Все смутились, замялись, Коннор покраснел.

- Я ничего не знаю, - он обращался ко всем, но никто ему не ответил.

Дейв высморкался и поднял воротник. Я никогда не видела его настолько... обычным, что ли, - я всегда его немного побаивалась. Лесопилка располагалась довольно далеко от большого дома, поэтому обычно он приходил только помогать на охоте. С охотой все помогали.

Всю зиму напролёт богачи приезжали охотиться на фазанов. Обычно они были никудышными стрелками, но иногда им улыбалась удача, и тогда Конноровы собаки собирали кучу подстрелянных птиц, и мы неделями ели фазанье мясо. Некоторые предпочитали стрелять не в настоящих птиц, а в глиняных голубей. В этом случае иногда слышался крик: «Огонь!» - за ним следовали два хлопка, а потом всё вокруг было завалено черепками. Шумное развлечение. Но в принципе, это было даже прикольно - как крутая компьютерная игра, только в реальности.

Летом самые богатые приезжали на рыбалку. Рыбу ловили не на червя и не на какое-нибудь сало, а по-настоящему, на мушку - Крис Мамфорд их учил. Улов обычно бывал невелик, но в поместье имелся садок с мальками форели, и время от времени их выпускали в реку. Если им удавалось слишком сильно расплодиться, их ловили, коптили, и мы долго потом ели копчёную форель.

Не особо люблю копчёную форель. И фазанов тоже.

Лорд Б. швырнул полено в камин с такой силой, что искры рванули в дымоход.

Леди Б. снова зарыдала.

Я выскользнула через входную дверь и вернулась в нашу квартиру. Тай тихо похрапывал. Мама всё ещё не вернулась. Я вынула всё из сумки и отнесла её полицейской в главный дом.

– Спасибо, Вивьен, – сказала она и посмотрела в сторону – мол, ты свободна.

Я хотела снова спросить про маму, но вместо этого молча вернулась в квартиру, захлопнула за собой дверь и заперла замок.

В этом доме я прожила всю свою жизнь, но всё равно сейчас чувствовала себя странно. Синие сполохи полицейских мигалок мелькали по стенам, словно отпугивали кого-то – вот только отпугивать было некого. Их что, никогда не выключают?

Я подумала о тех, кто остался в главном доме. Вокруг нас расстилались бесконечные акры пустошей, по которым текла река. Они точно не могли обыскать всё.

Тай проснулся, подошёл ко мне и положил голову мне на ногу.

– Привет, малыш, – сказала я и подхватила его на руки.

Он вывернулся, подскочил к двери, заскулил и заскрёбся по косяку. Он хотел на прогулку.

– Я знаю, но я голодная и... – я выглянула наружу, в темноту.

Мне было немного не по себе. Я никогда не боялась темноты, это Ноа был трусишкой, а не я. Но...

Я сбросила туфли и раскопала в буфете пакет растворимого томатного супа.

– Я сейчас, быстро, – сказала я Таю, надорвав пакет.

Ожидая, пока закипит чайник, я снова смотрела сквозь жалюзи на сполохи мигалок.

Хотела бы я знать больше.

Хотела бы я знать хоть что-нибудь.

Хотела бы я, чтобы мама была здесь.

«Он не вернулся домой. Когда Марион за ним приехала, его не было».

Значит, он исчез из школы. Либо его кто-нибудь забрал – но эту мысль я сразу отмела. Или...

«Учителя. Он когда-нибудь упоминал хоть кого-то из учителей?»

Почему она это спросила? Ноа что, влюбился в учительницу рисования? Он сбежал с кем-то? Не думаю, чтобы кто-нибудь мог в него влюбиться. Не думаю, чтобы кто-то вообще хотел иметь с ним дело. Он не милый, не привлекательный, не смешной, не симпатичный. Он мог сбежать разве что в знак протеста.

Это, наверно, возможно. Последний раз мы разговаривали с ним нормально, по-настоящему, когда закончили начальную школу. Ноа тогда сказал, что отец хочет, чтобы он стал адвокатом, как дядя Перегрин – денег у того завались. Идея была в том, чтобы заработать кучу денег и сохранить поместье для будущих маленьких Белкумов. Против денег Ноа не возражал, но учиться ради этого не хотел. Он хотел стать дизайнером или резчиком по дереву – ещё не решил, но адвокатом точно быть не собирался.

Так что, может, он просто хотел огорчить родителей и заставить их его выслушать.

Я вспомнила, как его мать плакала на диване. Цели своей он добился – но и мою маму тоже расстроил. По крайней мере, ей пришлось помогать полиции. Все работники в поместье на ногах, во дворе стоит четыре патрульные машины, а в темноте и холоде возятся люди в белом.

Так что если у него плохое настроение, то проблемы из-за этого у всех.

Я налила кипятку в кружку, добавила красный порошок и размешала. Села за стол и машинально потянулась за телефоном – но он остался у полицейской.

– Плохо дело, Тай, – сказала я. – Я отрезана от мира.

Тай заворчал и негромко гавкнул.

– Тай?

Он снова затыкал и запрыгал взад-вперёд по коврику около двери.

– Да в чём дело?

Я занервничала, подошла к двери сбоку и осторожно выглянула в окно. На ступеньках стояли Дейв и Крис и разговаривали. Наверно, они услышали меня или Тая, потому что через мгновение Крис постучал в дверь.

Я выдохнула. Почему-то происходящее меня сильно напрягало.

– Твой пёс хочет погулять? – голос Криса был преувеличенно весёлым. – Я тут подумал, ты переживаешь из-за всей этой суматохи – мало ли кто тут сегодня бродит. Могу взять его с собой.

Он прикусил губу. Лицо его было совсем не таким весёлым, как голос. Я подумала, каково пришлось работникам – ведь их по очереди таскали на допросы.

Тай посмотрел на меня, виляя хвостом.

– Спасибо, – сказала я.

– Пойдём, Тай, пойдём, парень.

Из темноты раздался свист Дейва. Тай стоял на пороге и смотрел на меня.

– Иди, – сказала я. – Они тебя не обидят.

Тай принялся и попятился.

– Ну-ну, парень, – Крис присел на корточки и ласково погладил Тая по голове.

Тай негромко чихнул, но наружу не вышел.

Дейв наклонился и попытался вытащить Тая за ошейник. Тай зарычал, и Дейв отдернул руку, как будто обжёгся.

– Дурная псина, – сказал он.

Таю Дейв никогда не нравился. И мне тоже. Было в нём что-то жуткое – наверно, потому, что он всегда молчал. Когда в детстве мы играли на лесопилке, он лишь хмуро смотрел на нас. Мама говорила, это потому, что на лесопилке играть опасно. А я считала, это потому, что Дейв не любит детей.

– Тай, иди, пожалуйста, – сказала я.

Но Тай не шевелился.

– Извини, Крис, не понимаю, в чём дело, может, его мигалки напугали. Я, наверно, с вами пойду, – сказала я, натягивая мамину тёплую куртку и резиновые сапоги. В последний момент я спохватилась и взяла ключи с фонариком.

– Ага, давай, если ты не против тоже немного поискать нашего парнишку. Мы тут ещё проверяем поместье, – Крис наклонился и потрепал Тая по ушам. – Глупая собака.

- Нет, конечно, я не против, - ответила я и натянула перчатки.

Дейв спустился по ступенькам.

- Потом ещё поговорим, - сказал он Крису, а затем пожелал мне доброй ночи.

Я заперла дверь и вышла за Крисом и Таем во двор. Крис свистнул, и из темноты выбежала его собака, Леди. Это была бордер-колли, настоящая пастушья собака, дрессированная и послушная. А Тай недрессированный, всё делает только по любви. Или по любви к еде.

Несколько минут мы шли спокойно и молчали. Тай носился вокруг нас кругами, Леди держалась поодаль. Полиция всё ещё возилась с «мини». Входная дверь была открыта, люди проходили туда-сюда, но кто именно, я не разглядела.

Крис открыл ворота в сад.

- Смотрим в оба, да?

- Да, - ответила я, хотя не была уверена, что хочу найти Ноа.

Под ногами вместо гравия захрустела заиндевшая трава.

Над нами мерцали первые звёзды. Холод был лютый - уши даже под капюшоном заболели. Я посмотрела на Крису. Он огромный, почти в два раза выше меня, и выглядит очень надёжным. Я всегда думала, что он большой и верный, как ручной медведь, хоть мама и приговаривала: «В тихом омуте черти водятся». Я слышала, что раньше он дрался в пабах, но это, наверно, просто сплетни.

Он всегда был в моей жизни - прямо как река, за которой он следил.

Со стороны реки послышалось хлопанье - как будто птица взлетела, потом крылья захлопали прямо у нас над головами.

- Лебедь? - спросила я.

– Ага, – ответил Крис.

Мы пошли дальше. От одного из коттеджей потянуло дымком, запахло копчёной рыбой.

– Ты никогда не видела лебедей до приезда сюда, – заговорил Крис. – Помнишь, как вы с мамой приехали – прямо с самолёта из Сингапура?

Я слышала улыбку в его голосе.

– Лебеди, лебеди, лебеди! Ты за ними погналась – и прямо в реку. Ничего не боялась.

– А из реки меня ты вытащил?

– Вас обоих, и тебя, и парнишку.

– Значит, тогда мы с ним ладили, – заметила я, пытаюсь вспомнить те времена, когда мы с Ноа ещё дружили.

– Вроде того.

Мы завернули за угол сарая.

– Хотя, кажется, уже на следующий день вы мутузили друг друга, как заправские боксёры.

На самом деле это было четыре года спустя, когда нам было шесть. Ноа столкнул меня в реку, а потом обвинил в том, что я играла на берегу. Причём уже не в первый раз. Рассказывал, что это была моя идея, а он меня героически вытащил, хотя на самом деле он убежал, влез на дерево и хохотал оттуда, наблюдая, как я пытаюсь не утонуть. Я бросилась на него и колотила руками и ногами.

– Ты дал мне супа из термоса, потому что леди Б. так сильно отругала меня, что я не хотела идти домой.

Крис засмеялся.

– Никогда не видел, чтобы девочка так дралась. Ты здорово махала кулаками, – он остановился и вдохнул. – Если бы я вас не разнял, ты могла бы его покалечить.

Я приняла это за комплимент и улыбнулась про себя.

Мы прошли мимо высоких тисов, которые отмечали вход в сад, и тут он схватил меня за плечо и прошептал:

– Тихо! Ты слышала?

Я замерла и прислушалась, но ничего не услышала. Я таращилась в темноту, и в листве мне мерещились чьи-то лица.

Сейчас я нечасто сюда ходила, но раньше я много здесь гуляла с другими детьми из поместья. Была такая девочка по имени Дейзи и её младшие брат с сестрой, Себ и Молли, но их родители нашли работу садовниками в другом поместье, в Уэльсе. Здесь мы играли, но чаще дурачились на мелководье, искали сокровища – бутылки, пряжки, монетки, – шлёпали по ледяной прозрачной воде, по скользкому каменистому дну, а у наших ног ползали раки и проплывали мелкие пескари. Иногда мы плавали, и от холода перехватывало дыхание, а в жаркие дни мы прыгали на глубину прямо с моста, а потом с визгом выбегали на берег. Ноа в наших играх практически не участвовал. Наверно, ему не разрешали.

Я задрожала. Не та была погода, чтобы думать о холодной воде.

– Ты что-нибудь слышала? – переспросил Крис.

– Не-а, – ответила я.

– Наверно, кролик прошмыгнул, – сказал он.

Мы пошли дальше, я чувствовала напряжение. Кого он думал встретить? Ноа? Или кого-то чужого?

По шее у меня побежали мурашки, я затрясла головой. Тай остановился, принюхался и задрожал.

– Что, кого-то учуял? – пробормотал Крис.

Низко над горизонтом в голубовато-зелёном небе горела одинокая звезда; под ней темнели дымовые трубы главного дома. Мы прошли мимо оранжереи в сторону фруктового сада. Впереди чернели голые ветки. Я старалась не сходить с тропинки, но зацепилась капюшоном за ветки, так что пришлось пройти прямо по опавшим плодам, оставленным в траве для дроздов.

– Осторожней, на мягкие не наступай, – предупредил Крис.

Некоторые из опавших плодов были хрусткими, но совсем избежать мягких мне не удалось, так что из-под ног у меня запахло сидром и гнилью. Справа над живой изгородью замелькали фонарики. Это были садовники – Шона и Тони.

– Всё в порядке? – окликнул их Крис. – Что-нибудь нашли?

– Глухо, – крикнул в ответ Тони. – Подождём до полуночи.

– Вот дурак-то, – сказала я вполголоса.

– А? Что? – переспросил Крис.

– Да я про Ноа... Я подумала... Почему Ноа убежал сегодня, в такую холодрыгу? Глупо же. Просто внимания хочет.

– Не мне говорить, конечно, но он умишком-то не блещет, – сказал Крис, уклоняясь от ветки. – Может, он к приятелю пошёл, а предупредить и забыл.

– Не думаю, что у него есть приятели.

– Ах вот как, – ответил Крис.

– Вся эта суета с полицией – и маму ещё впутали, – я сердилась всё сильнее и сильнее. – Знаешь, когда мы его найдём, я его просто прибью. И почему я раньше этого не сделала?

Крис промолчал.

– Короче, он просто не понял, что натворил. Когда он решит, что всё всем доказал, и придёт домой, он будет уверен, что всё в порядке. Как бы не так! Мою мамочку весь вечер допрашивали, подозревали. Это нечестно! Я ему опять врежу.

– То есть сегодня ты ему уже врезала? – весело уточнил Крис.

– Да не то чтобы врезала, – я пошла на попятную. – Я ему вроде как нос разбила.

– А, так вот почему они машину облепили. – Мы шли всё дальше. – А ты им об этом рассказала?

– Да, но они, кажется, думают, что я сделала это нарочно – или что мама его ножом ткнула или что-то в этом роде.

– Ну нет, не думаю. Они всех нас допрашивали, лорда Б. аж с пристрастием.

– Значит, подозревают не только маму.

– Нет, не только.

Мы развернулись и пошли на другую сторону фруктового сада.

– Ты знаешь, когда он пропал?

– Около полудня, – ответил Крис. – Но ты же понимаешь, это всё слухи. Полиция всё при себе держит.

В кармане у него зазвонил телефон. Затем я слушала, как он разговаривает с кем-то на другом конце. На колючей щеке был ясно виден жёлтый отблеск

подсветки. Он повернулся ко мне спиной, продолжая разговор.

– Да-да. Тут со мной малышка Вивьен.

Под ногами у меня хрустела трава, на сапоги сыпались льдинки. Земля была твёрдая, как камень. Ноги в сапогах тоже заледенели. В одних колготках в такую погоду гулять просто невозможно – а под кустом спать невозможно тем более. Ноа наверняка нашёл какое-то укрытие, но где? Зачем он убежал? И почему до сих пор не вернулся?

Дурак ты, Ноа. Но вслух я этого не сказала.

– Свалка за прудом? Хорошо, сэр, как скажете.

Я мысленно представила себе поместье.

Леса.

Лощины.

Ферму.

Небо совсем почернело. Тут я вспомнила про свалку. Нам туда ходить запрещалось. Там валялась старая сельхозтехника, всякие ржавые железки, колючая проволока и прочие древности, оставшиеся ещё со времён до Второй мировой.

– Я пойду туда с Вивьен, у неё глаза поострее. – Пауза. – Хорошо, посмотрим. Фонарь у меня с собой.

Телефон погас.

– Пойдём, Вив, посмотрим, не там ли он прячется.

На другом конце фруктового сада была калитка, которая вела на небольшое поле. Заледеневшими пальцами я попыталась снять петлю из шпагата, которая

была на калитке вместо засова. Крис перегнулся через моё плечо и легко с ней справился. Пока он закрывал калитку, я прислушалась.

Сова.

Лиса.

Кажется, ещё и фазан. И холод, вездесущий холод, промозглый ледяной ветер.

Впереди сиял Орион.

Дорогу мы оба знали, так что шли молча, а собаки крутились у нас под ногами. Тай вроде бы поладил с Леди, хоть Крис ему и не нравился.

Мы шагали по полю в сторону реки. Под ноги мне попадались замёрзшие кочки. Чуть левее, в самом узком месте, через поток были переброшены неширокие мостки. Поверх дерева была постелена сетка, чтобы ноги не скользили. Были и тонкие перильца, но шла я осторожно – не хотела свалиться в воду. Утонуть я бы не утонула, но на Ноа разозлилась бы ещё сильнее.

На другом берегу было топко. Мы решили не идти к перелазу, а пробраться между двумя рядами колючей проволоки, но я зацепилась подолом куртки за нижний ряд. Я копошилась в темноте со своим крошечным фонариком и проклинала Ноа. Наконец я освободилась и поспешила вслед за Крисом по очередному полю к дальней роще. В темноте шуршали овцы, то выходя из темноты, то трусая прочь. Крис свистом подозвал Леди к ноге, а мне пришлось схватить Тая за ошейник, чтобы он не гонялся за овцами.

– Привет, овечки, – приговаривала я.

Пахло тёплой шерстью и навозом. Под ногами у меня хрустело всё громче, и подбородок совершенно заледенел. Ноа, когда я тебя найду, я тебя просто убью!

На другом краю поля нас встретил очередной забор. Я раздвинула проволоку и просунула ногу в просвет.

– А вот этого не надо, – сказал Крис, поднял меня над забором, как младенца, а сам перешагнул через проволоку, как будто её там и не было.

– Ой, – только и сказала я, приземляясь на траву.

Мы потопали дальше, тёмная роща приближалась. Я уговаривала себя, что там нет ничего страшного, но вообще-то, когда нам было по шесть лет, мы называли эту рощу Мёртвым лесом, потому что нашли там дохлого кролика, а потом дохлую лису. Они болтались на колючей проволоке, как будто кто-то их там специально подвесил. Ну ничего, зато Крис был рядом. Я его не видела, но слышала.

Сверху нависли голые ветви ясеней и тисов, загораживая небо и смыкаясь надо мной.

– Фонарь, настало твоё время, – сказал Крис, и я вздрогнула от неожиданности. От яркого света чернота вокруг сгустилась ещё сильнее.

– На той стороне сарай, я там инструменты храню. Я его проверю, а ты стой тут и не двигайся, я скоро вернусь.

В свете фонаря замелькали кусты и что-то металлическое, потом Крис повернул налево, и свет исчез. Про сарай я забыла, но помнила, что тут была машина. Чёрная замшелая машина.

Чем дальше я таранилась в темноту, тем больше мне казалось, что я различаю силуэт машины. Я осторожно зашагала между деревьев, пока за стволами не показалась неряшливая брошенная сельхозтехника. Вдали скользил по подлеску свет от фонаря Криса, выхватывая из темноты зелёные и коричневые пятна. Напрягая глаза, я остановилась у обрыва и вгляделась во тьму. Вернее, это был даже не обрыв, а крутой известняковый склон. Я помнила, что раньше внизу стояла старая машина без колёс и с одной фарой. Я посветила своим жалким крошечным фонариком вниз. Сначала я разглядела что-то металлическое. Потом что-то стеклянное.

Да.

Луч фонарика отразился от ветрового стекла. Оно было поцарапано, но не разбито. Я посветила на дверцы, поводила лучом туда-сюда – не отзовется ли кто?

Признаков жизни не было. Тут я поскользнулась, успела схватиться за ежевичную ветку и съехала по склону на заднице.

Старая машина грузно возвышалась среди прочего хлама. Дверцы были закрыты.

– Ну давай, Вив, – подбодрила я себя, схватилась за ручку водительской дверцы, распахнула её и отступила на пару шагов, направив луч фонарика внутрь. Проросший сквозь заднее сиденье вьюнок оплетал руль. Сквозь дыру от ржавчины в потолке сыпалась изморозь. Никого тут не было, причём уже давно.

– Чёрт тебя подери, Ноа Белкум, где же ты? – завопила я прямо в небеса и помчалась к Крису.

Глава 5

Когда я вернулась, мама была дома. Увидев меня, она бросилась к двери.

– Где ты была? – она стянула с меня куртку, встала на колени, помогая мне снять сапоги.

– Я ходила с Крисом, мы искали Ноа вместе со всеми. И Тая заодно выгуляли, – ответила я, выпутываясь из куртки. – А ты где была?

Я подтянула колготки. На носке обнаружилась большая дырка.

Мама села. Я увидела, что всё лицо у неё в красно-белых пятнах, как будто она несколько часов плакала.

– Я... – она махнула рукой. – Всё в порядке.

- Что? – спросила я. Она явно что-то недоговаривала. – Где ты была? Когда всё это случилось?

- Где-то в полпятого, – ответила она. – Я поехала забрать его, но из школы он не вышел. – Она смотрела себе на ладони так, как будто всё случившееся было записано там. – Пока в школе убедились, что его и правда нет на месте, сто лет прошло. Я пошла к директору, он позвонил Белкумам и в полицию, потому что... В общем, позвонил в полицию.

- Так почему его ищут здесь?

- Кто-то видел, как он садился на пригородный автобус – ну или не он, а кто-то другой в сент-дэвидской форме. Вроде бы так думает полиция...

- У меня забрали телефон и сумку, – сказала я.

- О нет, – ответила она. – Зачем?

- Они же не думают, что я...

- Понятия не имею, что они думают.

Мама оторвала заусенец с большого пальца.

- Мама, не надо, – сказала я, указывая ей на руку.

Она улыбнулась.

- Дело в том... – начала она, затем снова замолчала, сглотнула и продолжила, кивая, словно объясняла происходящее и мне, и себе, – что полиция... – Снова пауза. – Кажется, полиция думает, что это я что-то с ним сделала.

Мама посмотрела на меня. Губы у неё дрожали. Она глубоко вдохнула, подавила рыдание и заговорила глухим шёпотом:

– Это всё из-за крови в машине. Я им сказала, что это случилось утром... – Она замолчала, потёрла глаза ладонями. – Не уверена, что они мне поверили. Поэтому они и забрали твою сумку, Вив, – из-за крови. Из-за этой дурацкой крови.

– Ох, мам, – я втиснулась на диван рядом с ней и взяла её под руку. – Её же было немного. И на моей сумке она была – а я им сказала, что мы, ну, повздорили. Не могут же они считать, что ты виновата. Наверняка Ноа просто дурит. Хочет родителей проучить.

– Не знаю... – Мама высморкалась и снова начала ковырять ссадину на пальце, глядя куда-то в сторону. – Ты помнишь Санджива?

– Да, – ответила я, – он милый. Ты же с ним в боулинг ходила, да?

Мама кивнула.

– Всё было сложно – у него ребёнок, у меня ты и обязанности няни, да и я, наверно, просто была не готова, – на её заплаканное лицо легла тень грусти.

– Так что с ним? – спросила я.

– Он тоже пропал. Не пришёл за дочкой в школу.

– Не понимаю.

– Он тренер команды по регби в школе у Ноа. Пропал днём, не закончив занятий.

– Так ты думаешь – полиция считает, будто вы сообщники? Вдвоём похитили Ноа? – я посмотрела на маму.

Она кивнула.

– Да не могут они так думать! Ты же Санджива сто лет не видела. И он хороший, никогда бы таких глупостей не наделал. Ему же деньги не нужны?

Мама вздохнула.

– Наверное, нет. И ты права, он милый. Я очень надеюсь, что, как ты и сказала, Ноа сбежал и где-то прячется. Бедная Джулия, его мама! Она просто в шоке, убита горем.

Я выглянула во двор, раздвинув планки жалюзи. Полицейские машины всё ещё стояли припаркованные, но мигалки были выключены. Открылась входная дверь, по ступенькам спустился Крис и залез в свой лендровер. Шагал он тяжело, и на вид был весь измотан. Дверь в главный дом закрылась, и мне осталось только предполагать о том, что творится внутри.

* * *

Я лежала в темноте, слушая, как снаружи опадают кленовые листья, и размышляла.

Если Ноа решил пошутить, то шутка зашла слишком далеко. Я и вправду думала, что он спрятался в старой машине. А когда в карьере стемнело, перепугался и не смог вылезти. Так что я представила, как спасу его, скажу больше не дурить, отведу домой к родителям, и все будут меня хвалить.

Но мечты не стали реальностью – его там не было.

В полудрёме я представляла себе, как бегаю по поместью, деревне и даже по Алчестеру и ищу, где прячется Ноа.

В конце концов я уснула.

* * *

Разбудил меня громкий стук в дверь. Мама успела подойти к двери первой. Тай вертелся у неё под ногами и тьякал.

Снаружи было абсолютно темно. В прихожую вошла странная женщина-полицейский. Меня она словно бы не заметила – смотрела только на маму. Я

глянула на часы на плите – пятнадцать минут седьмого. Рань несусветная.

– Миссис Лин, поедете с нами дать показания? Нам нужно задать вам несколько вопросов.

– Прямо сейчас? – спросила мама, изо всех сил затягивая узел на поясе халата.

– Если не сложно. Открылись новые обстоятельства, – сказала полицейский.

– Что? – переспросила мама. – Вы его нашли?

Женщина не ответила. Она так и стояла на пороге. Ветер загонял в открытую дверь листья, тепло уходило наружу.

– А как же Вив? Как она доберётся до школы? – спросила мама.

– С ней всё будет в порядке. Леди Белкум сказала, что она может побыть в главном доме.

* * *

Я смотрела, как мама уходит. Она помахала мне с заднего сиденья полицейской машины. В шесть тридцать я, в школьной форме, уже восседала на шкуре дохлой коровы, то есть на диване в Блэкуотер-хаус. Рядом стояла леди Белкум. По её лицу текли слёзы, и я чувствовала себя неловко. Наверно, так неловко я себя никогда в жизни не ощущала. Если бы на её месте была мама, я бы её обняла. Но это была не мама, а просто женщина, рядом с которой мы жили практически всю мою жизнь.

Она, конечно, скучает по сыну. А я скучала по маме.

Леди Б. грызла ноготь, снова и снова проверяя свой телефон. Её тревога словно бы стояла с ней бок о бок, как ещё один человек. Наверно, неизвестность сводила её с ума. Обычно леди Б. знала всё.

Тут она словно бы заметила меня, высморкалась и скрылась наверху. В холле остались я, дремлющая женщина-полицейский и затухающий огонь.

Хотела бы я знать, что произошло. И чтобы у меня был телефон.

Ещё чтобы Тай сидел рядом, но полицейские отвели его к садовнику Тони.

Бедный Тай.

Бедный Тони.

Я попыталась спрятаться в одном из гигантских кожаных кресел – поджала ноги и обхватила их руками.

Не замечая меня, в холл ворвался лорд Белкум с телефоном, прижатым к уху. Одет он был наполовину в пижаму, наполовину в твидовый костюм.

– Перегрин, я в ужасе. Я просто в ужасе. Вдруг с ним что-то всё-таки случилось... – он встал как вкопанный и уставился в угол.

– Да, да... Нет, ничего подобного.

Пауза.

– Понимаешь, никаких требований нам не выдвигали. Но если бы выдвинули... Ты бы помог, правда? Мы уже обращались к кузену Джулии, но у него проблемы с наличными, а мы просто на мели.

Он говорил шёпотом, но так чётко, что я разбирала каждый слог.

– Нет, как я уже сказал, никто ничего не присылал... И, может быть, это не то... А просто ужасный... – его голос оборвался, -... кошмарный несчастный случай. Может, он где-то лежит...

Весь заплаканный, он повернулся, увидел меня и умчался вверх по лестнице.

Прислушиваясь к удаляющимся шагам, я ещё плотнее свернулась в комочек на кресле, подложила под голову подушку, а ещё одну обхватила руками. Закрала глаза – но тут услышала шуршание. Чуть приоткрыв один глаз, я увидела Марию – филиппинку, которая готовила Белкумам еду. Она была в стёганом розовом халате и мохнатых серебристых тапочках. В руках у неё был поднос с двумя кружками какао. В густых шапках сливок было полно зефиринок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/hichkok_fler/prestuplenie-v-pomest-e

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)